

УГОЛОВНАЯ ПРЕСТУПНОСТЬ В ИРКУТСКОМ ОКРУГЕ

В двадцатых гг. XX в. часто менялось административно-территориальное деление современной Иркутской области. До июня 1926 г. существовала Иркутская губерния с центром в Иркутске, 26 июня 1926 г. Постановлением ВЦИК Иркутская губерния упразднялась, и на её территории были образованы три округа в составе Сибирского края (с центром в Новосибирске) – Иркутский, Тулунский, Киренский. В дальнейшем, Постановлением ЦИК и СНК СССР от 23 июля 1930 г., округа Сибирского края были ликвидированы, и был образован Восточно-Сибирский край с центром в Иркутске.

По состоянию на апрель 1928 г., население Иркутского округа (по данным переписи), составляло 470 503 чел., из которых городское составляло 180 103 чел., сельское – 290 403 человек. На территории округа действовало 56 300 крестьянских хозяйств. В Иркутске было сосредоточено до 89 % торгового оборота всего округа [1]. По данным статистики, промышленность бывшей Иркутской губернии, за исключением золотопромышленного Ленско-Витимского горного района, почти целиком отошла к Иркутскому округу. Кредитные учреждения (Госбанк, Промбанк, Селькредит) были сосредоточены в Иркутске.

Деятельность органов управления и правоохранительной системы в конце 20-х годов имела значительные особенности. Определенную свободу экономических отношений предоставляла новая экономическая политика (НЭП). Это накладывало отпечаток на общественные отношения. После Октябрьской революции прошло всего десять лет и в округе проживало определенное количество не только бывших царских чиновников, служащих, офицеров, но и представителей военной и гражданской администрации Колчака (иногда чуждых новой власти). Определенное количество таких специалистов привлекалось для работы в органы власти и управления. Партийная «прослойка», т. е. процент членов ВКП(б), в таких организациях был невелик. Например, по состоянию на 15 сентября 1928 г., в су-

дебно-следственном аппарате Иркутского округа работал 191 работник. «Партийная прослойка» составляла 30 %, бывших чиновников царской и «колчаковской» юстиции насчитывалось 16 человек, (около 10 %). Из них – 2 помощника прокурора, 3 народных судьи, 1 нотариус, 2 судебных исполнителя [2]. В обществе присутствовала определенная терпимость к инакомыслию, наказания были явно щадящими, сроки заключения незначительными, иногда они заменялись более мягкими видами наказаний, приговоры могли быть опротестованы, но такое состояние общества продлилось недолго.

В качестве примера можно привести совершенно нехарактерный случай: «В конце июля сего года, бывшим карателем, бывшим белым офицером, принимавшем участие в свержении в 1918 г. первой Советской власти, принимавшем участие в расстреле красных, ныне учитель Телятьев Иннокентий Николаевич, совместно с бывшим спекулянтном Минькевичем, избили батрака-активиста Иванова... В середине августа дело рассматривалось в нарсуде 7-го участка, и обвиняемые были приговорены к 6 месяцам лишения свободы, причем по кассационной жалобе Окружной суд наказание заменил принудительными работами сроком на 3 месяца» [3]. Телятьев после суда продолжал работу учителем в другом районе.

Для борьбы с наиболее опасными противоправными проявлениями Конституцией СССР 1924 г. (глава девятая) предусматривалось создание Объединенного Государственного Политического Управления (ОГПУ). Как указывалось – «в целях объединения революционных усилий союзных республик по борьбе с политической и экономической контрреволюцией, шпионажем и бандитизмом». Данный правоохранительный государственно-правовой институт был создан на основе Всероссийской чрезвычайной комиссии (ВЧК), для борьбы с наиболее опасными, государственными преступлениями в новых условиях. В Иркутске, как и в других регионах, был создан окружной отдел ОГПУ.

Одной из задач органов ОГПУ являлось информирование партийных и советских органов власти о состоянии дел в обществе. Одним из способов такой работы являлась подготовка и

предоставление информационных сводок по различным вопросам жизни общества. Информационные сводки составлялись через определенное время : десять дней, две недели, месяц. Часть сводок дополнялась обстановкой, нанесенной на топографическую карту. Так, оперативно-разведывательная сводка № 10, по состоянию на 15 декабря 1928 г., дополнялась обстановкой, нанесенной на топографическую карту необычного для современных карт масштаба (10 верст в дюйме) [4]. Существовал определенный круг вопросов, по которым проводился сбор информации. Освещались методы борьбы с преступностью, политические настроения различных социальных групп, проводились подробные экономические исследования отдельных предприятий. Сводки заканчивались подробными выводами и предлагаемыми мерами по улучшению ситуации. Документы подписывались руководством отдела ОГПУ и направлялись по списку для ознакомления. В часть учреждений сводки отправлялись для ознакомления с обязательным возвратом, партийному и советскому руководству округа сводки направлялись для постоянного хранения под различными грифами секретности [5]. Материалы отличались беспристрастностью, квалифицированным сопоставлением и оценкой информации, грамотными выводами.

На основании этого можно сделать вывод о том, что руководство округа систематически информировалось по вопросам борьбы с преступностью, экономическому состоянию предприятий, по недостаткам в деятельности сотрудников партийного и советского аппарата.

В отчетах проводилось четкое разделение на преступления, совершаемые в Иркутске, и по районам округа. Рассматривались следующие районы: Иркутский, Оёкский, Качугский, Жигаловский, Усть-Удинский, Усольский, Черемховский, Бодайбинский. Административно-территориальные границы районов того времени не всегда соответствовали современным.

В сельской местности наиболее опасные преступления совершали банды. Как правило, в банду входило несколько человек, постоянно проживающих в тайге, вне населенных пунктов. Деятельность банд становилась возможной при наличии боль-

ших лесных массивов, значительной неконтролируемой территории. Бандиты совершали налеты на села, грабили на дорогах. Действия носили достаточно стихийный характер. Отмечалось, что в зимнее время активность бандитов несколько снижалась. Например, 19 октября 1928 г., в ночное время, было совершено ограбление Жигаловской почтово-телеграфной конторы. Группой преступников были похищены ценные бумаги, деньги, оружие и боеприпасы [6]. Органы власти на местах были малочисленны и зачастую малоквалифицированы. В небольших населенных пунктах администрация и органы правопорядка состояли из двух-трех человек. Они были неспособны отразить внезапный вооруженный налет, значительно запаздывали с принятием ответных мер.

Для преодоления таких недостатков традиционно применялось временное увеличение сил и средств правопорядка. В район действия банды направлялись опытные сотрудники для организации эффективных мер. Так, в оперативно-разведывательной сводке 24 октября 1928 г., в качестве одной из принятых мер указывалось: «По банде Кочкина меры остаются прежние, в район командирован постоянный работник УРа» [7].

Своеобразным видом противоправной деятельности являлся, по определению того времени, кулацкий террор. Данная противоправная деятельность выражалась в нетипичных формах. Она не имела большого распространения, количество таких проявлений в течение месяца по округу составляло около десяти установленных случаев. В основном кулаки угрожали активистам, членам администрации и милиции, наносили побои, реже значительный ущерб здоровью, и даже смерть.

Пользуясь свободами новой экономической политики, кулаки имели возможность развивать сельскохозяйственное производство, наращивать финансовые ресурсы, организовываться в неформальные сообщества. Такое положение давало возможность проводить свою политику, активно возражать представителям власти. Возможно, такое поведение было вынужденным балансированием. Не нарушая в значительной мере закон, и не совершая тяжких преступлений, кулаки сохраняли собственность, избегали длительных сроков заключения и в определенной мере влияли на местную власть.

Например, в мае 1928 г., в селе Коновалово группой кулаков были избиты два бедняка-активиста. В результате 4 человека были осуждены к 9 месяцам лишения свободы, но наказание было заменено на принудительные работы по месту жительства [8].

Интересны характеристики кулаков села Голумети, (всего было учтено 37 человек). Большинство имели крупные семьи – 6–8 «едоков», нанимали по 3–4 сезонных рабочих, содержали по 2–3 лошади и по 6–8 голов крупного рогатого скота. Несколько человек имели сельскохозяйственные машины. В вину кулакам ставилось то, что они не ходили на собрания, выступали против власти, некоторые имели связь с бандитами, были осуждены за деяния против Советской власти [9]. Всего по округу, по сводкам 1928 г., ежемесячно совершалось 10–15 случаев «террора». Убийства совершались редко (1–2 случая в течение месяца), в основном совершались избиения, угрозы, поджоги имущества [10].

В городской местности наиболее опасными являлись вооруженные нападения, налеты. Преступники учитывали, что реагирование будет быстрым, возможна погоня, по этой причине действовали несколько иначе. Как правило, заранее готовился транспорт (лошади, сани, повозки), нападение проводилось группой из двух–трех человек, стремительно, с последующим бегством, иногда за пределы города. Для совершения таких действий проводилась предварительная разведка. Для успешных действий в условиях города требовалась более высокая преступная квалификация. По этой причине в городе такая преступность была более профессиональной, преступники, как правило, являлись профессиональными уголовниками.

Например, 17 ноября 1928 г., в вечернее время, было совершено вооруженное нападение на кассира коммунальной бани № 3 Лужкову. Несмотря на вооруженную охрану, бандиты вступили в перестрелку, действовали профессионально и настойчиво. Ранив охранника, они догнали кассира, которая пыталась убежать, завладели деньгами и скрылись [11].

Очевидным является то, что на состояние борьбы с преступностью влияет квалификация сотрудников правоохранительной системы, работников советского и партийного аппарата. В данном вопросе отмечались недостатки. Необычной осо-

бенностью того времени можно считать лояльность органов власти и правопорядка к очевидно чуждым социальным группам, зачастую при враждебном отношении последних к Советской власти. Это была вынужденная мера, специалистов с профессиональным образованием, опытом работы, выходцев из рабочих и крестьян было явно недостаточно. Другой крайностью было назначение «выдвиженцев» – лиц без соответствующей подготовки и квалификации, лояльных к новой власти. Такое положение дел создавало почву для различных нарушений в работе органов власти и правопорядка. В качестве основных нарушений отмечались: «извращение классовой линии со стороны работников аппарата», пьянство, связь с чуждым элементом, растраты, волокита и бюрократизм, протекционизм и кумовство и т. п.

Интересным было отношение сотрудников государственной безопасности к нарушениям в органах управления и правопорядка. Нарушения осуждались, но, как правило, самым тяжким наказанием было увольнение. Систематически в аппарате проводились чистки от классово чуждого элемента.

Так, в течение 1928 г., в округе были проведены проверки в 72 учреждениях, с общим количеством сотрудников 6 872 чел., было намечено к увольнению 280 чел., или 4 % [12]. Увольнению подлежали бывшие колчаковские офицеры (до полковника), бывшие прокуроры, жандармы, торговцы, священнослужители.

Отдельно рассматривался вопрос о злоупотреблениях алкоголем среди разных слоев населения, в том числе и руководства. Назывались многочисленные случаи злоупотреблений среди сотрудников милиции, в органах власти и управления. Пьянство приводило к более серьезным должностным проступкам, сращиванию с чуждым элементом, дискредитации Советской власти, подрыву авторитета, растратам.

По данным ОГПУ, пьянство среди работников милиции, особенно в районах, носило буквально массовый характер. Милиционеры в пьяном виде избивали задержанных и простых граждан, превышали служебные полномочия. Например, «в августе 1928 г. милиционер Ведомственной Милиции Комаров

напился пьяным. По дороге он безо всякой причины арестовал трех граждан...» [13]. Пьянство в сельской местности среди работников органов власти и милиции носило открытый характер и вызывало осуждение общества. Так, «бывший начальник Черемховской милиции Соколов и народный следователь Студенов за время службы в Черемхово систематически устраивали пьянки совместно с частниками... Кроме того, при сдаче дел у Соколова не достало много вещественных доказательств» [14].

Большое количество нарушений допускали органы власти в сельской местности. Отдельные председатели сельских Советов злоупотребляли алкоголем, допускали растраты, допускали оскорбления в отношении граждан. Например, в сводках упоминалось: «на следующий день, в воскресенье, весь состав сельского Совета ...перепились самогону до такой степени, что один из членов сельского Совета Зубков пустился в драку... Председатель сельского Совета Игумнов у члена сельского Совета Зубкова, переломал всю посуду. О распространении займа сельсоветчики перестали и думать» [15].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что наиболее опасными видами противоправной деятельности в конце двадцатых годов на территории Иркутского округа, в сельской местности, являлись разбойные нападения бандитов. В районах округа зажиточные крестьяне допускали «кулацкий террор» в отношении сельских активистов, сочувствующих новой власти. В Иркутске к таковым относились вооруженные нападения на государственные и иные учреждения, отдельных граждан с целью завладения денежными и иными ценностями.

Эффективность борьбы с преступниками снижалась из-за недостатков в работе правоохранительной системы, а также органов власти и управления. К недостаткам относились отсутствие квалификации, малый опыт работы, пьянство, грубость и бестактность по отношению к гражданам, наличие сотрудников аппарата, враждебно настроенных к новой власти. Совершенно нехарактерным для последующих периодов являлось лояльное отношение власти к классово чуждым социальным группам и отдельным гражданам. За преступления накладывались незначительные наказания за противоправные деяния. В обществе существовали различные точки зрения на развитие государства.

Двадцатые годы являются самобытным периодом в жизни молодой республики Советов, они абсолютно не похожи на последующее десятилетие репрессий, другие периоды.

Примечания

1. Государственный архив новейшей истории Иркутской области (ГАНИИО). Ф. 16. Оп. 1. Д. 660. Л. 110.
2. ГАНИИО. Ф. 16. Оп. 1. Д. 663. Л. 1.
3. ГАНИИО. Ф. 16. Оп. 1. Д. 664. Л. 146.
4. ГАНИИО. Ф. 16. Оп. 1. Д. 665. Л. 98.
5. ГАНИИО. Ф. 16. Оп. 1. Д. 665. Л. 159.
6. ГАНИИО. Ф. 16. Оп. 1. Д. 664. Л. 80.
7. ГАНИИО. Ф. 16. Оп. 1. Д. 664. Л. 83.
8. ГАНИИО. Ф. 16. Оп. 1. Д. 664. Л. 146.
9. ГАНИИО. Ф. 16. Оп. 1. Д. 664. Л. 119–121.
10. ГАНИИО. Ф. 16. Оп. 1. Д. 665. Л. 142.
11. ГАНИИО. Ф. 16. Оп. 1. Д. 665. Л. 98.
12. ГАНИИО. Ф. 16. Оп. 1. Д. 664. Л. 47.
13. ГАНИИО. Ф. 16. Оп. 1. Д. 664. Л. 162.
14. ГАНИИО. Ф. 16. Оп. 1. Д. 664. Л. 94.
15. ГАНИИО. Ф. 16. Оп. 1. Д. 664. Л. 163.

ВАСИЛЬЕВА Н. Ф.

СБОРНИКИ ВСЕСОЮЗНОГО ОБЩЕСТВА ПОЛИТКАТОРЖАН И ССЫЛЬНОПОСЕЛЕНЦЕВ О ЯКУТСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ССЫЛКЕ

Изучение Якутской ссылки репрессированных революционеров – «ледяной тюрьмы без решеток» было положено самими революционерами, объединившимися в 1921 году во Всесоюзное общество политкаторжан и ссыльнопоселенцев.

Сбором и подготовкой материалов о Якутской ссылке занималось Якутское землячество. На земляческих пленумах и вечерах зачитывались доклады и воспоминания живых свидетелей о деятельности в ссылке. Затем доклады редактировались и в виде статей помещались в издания Общества.

Основной комплекс работ о Якутской ссылке содержится в двух сборниках: «В Якутской неволе» (1927) и «100 лет Якут-